

Новицкий Алексей Петрович

**Передвижники и влияние их на русское
искусство**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Петрович Н.**
Передвижники и влияние их на русское искусство / Новицкий Алексей Петрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 297 с.

ISBN 978-5-521-25403-3

ISBN 978-5-521-25403-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПЕРЕДВИЖНИКИ

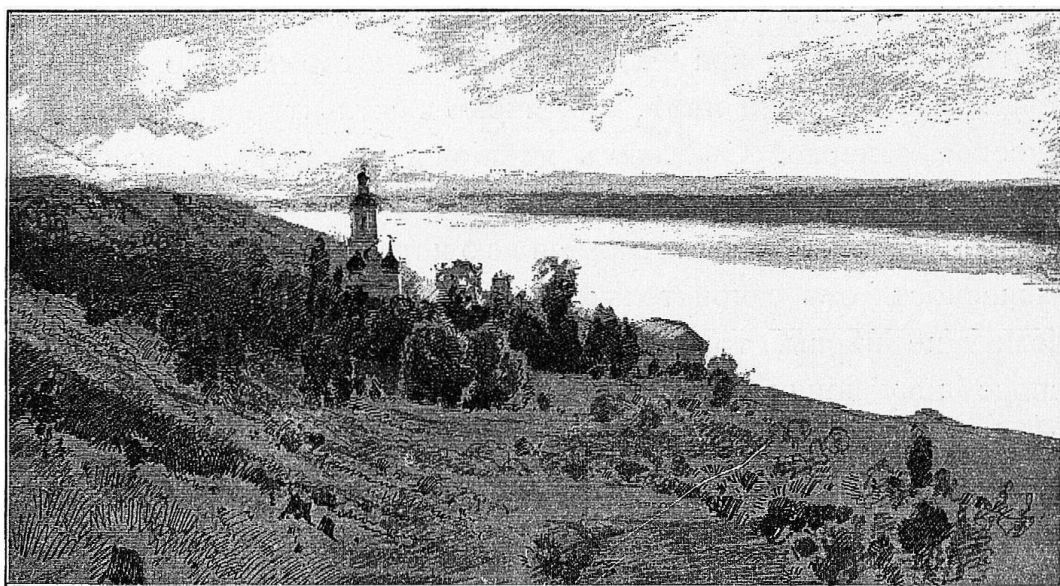
И ВЛІЯНІЕ ІХЪ

НА РУССКОЕ ИСКУССТВО.

До сихъ поръ принято у насъ, особенно среди такъ-называемыхъ эстетиковъ считать, что самую благопріятною эпохою для русскаго искусства во всѣхъ его родахъ было царствованіе Николая I, какъ горячаго любителя и покровителя искусствъ, и что, напротивъ, при его пріемникѣ, который мало интересовался, по крайней мѣрѣ, живописью и скульптурой, искусство русское замерло. Съ такимъ мнѣніемъ, хотя, къ сожалѣнію, и очень распространеннымъ, никакъ нельзя согласиться. Въ устахъ такихъ людей, которые и всю исторію народа ставятъ въ зависимость отъ одной только личности правителя, такія слова, если и не вѣрны, то, по крайней мѣрѣ, логичны. Но всякому способному понимать судьбы народовъ нѣсколько глубже, даже не будучи хорошо знакомымъ съ дѣйствительными историческими данными интересующаго насъ вопроса, мысль эта съ перваго взгляда покажется нелѣпою. Нельзя отрицать, что царствованіе Николая I было благопріятно, въ нѣкоторомъ смыслѣ, для художественной дѣятельности, и результаты этой послѣдней не могутъ остаться незамѣченными. Но съ воцареніемъ пріемника его, Александра II, наступила эпоха великихъ реформъ. Кто не знаетъ, какимъ подъемомъ общественнаго духа сопровождалась эта эпоха?! Кто не знаетъ, какимъ горячимъ ключомъ забила тогда струя настоящей жизни, настоящаго національнаго сознанія. Все, что только было гдѣ благороднаго, одушевленнаго чистою, святою любовью къ ближнему и къ родинѣ, могло ли въ такую минуту быть безучастнымъ сви-

дѣтелемъ всего происходящаго предъ его глазами?! Почему же одни только художники должны были оставаться внѣ этого общаго движенія?! Развѣ художникъ разобщенъ чѣмъ нибудь ото всего общества, ото всего остального міра? Развѣ онъ не членъ этого общества? Развѣ его не захватываетъ всякое сильное движеніе, захватывающее все его окружающее. Можетъ ли его, обыкновенно вообще чуткая, художественная натура почему-то именно въ этомъ одномъ оказаться не только не чуткой, но совсѣмъ непроницаемою? Нѣтъ, рѣшительно этого быть не могло, и какъ мы увидимъ сейчасъ, и не было, а было какъ разъ наоборотъ — и съ эпохою великихъ преобразованій шестидесятихъ годовъ какъ разъ совпадаетъ и крупный переворотъ въ жизни художественной.

И. И. Левитанъ. Вечеръ.

Л. Н. Сладовскій. Безпріютные.

I.

Какъ каждый отдѣльный человѣкъ начинаетъ всегда со школы и учителей, такъ и русское искусство не могло идти иначе, какъ прежде всего устроить Академію и пригласивъ въ нее преподавателями никого иного, какъ людей уже знакомыхъ съ дѣломъ, т.-е. иностранцевъ. Иностранцы учили въ стѣнахъ Академіи, къ кому же, кромѣ какъ къ иностранцамъ же могли отправляться способнѣйшіе изъ учениковъ, по окончаніи тамъ курса?! И что же иное могли внушить имъ ихъ учителя, какъ не безусловное поклоненіе передо всѣмъ иностраннымъ и стремленіе уподобиться въ своихъ произведеніяхъ этимъ великимъ образцамъ?!

Понятно, молодой человѣкъ, попавшій въ Академію въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, проникался благоговѣніемъ къ европейскому искусству, съ умиленіемъ произносилъ имена великихъ

художниковъ и вѣчно лелѣялъ страстную мечту о своемъ отправленіи, по окончаніи курса, на казенный счетъ за границу, что и выставлялось ему всегда его преподавателями, какъ высшая изъ всѣхъ наградъ. На Италію смотрѣлось, какъ на обѣтованную землю для художниковъ. Казалось, что только въ Италіи и возможно работать надъ великими произведеніями, потому что гдѣ же какъ не тамъ можно было такъ хорошо изучить манеру каждаго изъ художниковъ эпохи возрожденія и затѣмъ такъ удачно подражать имъ. „Русскіе художники, говоритъ Гоголь въ своемъ „Невскомъ проспектѣ“,—ярко выражая въ этихъ словахъ мысль каждаго изъ современныхъ ему художниковъ, — русскіе художники часто питаютъ въ себѣ истинный талантъ, и если бы только дунулъ на нихъ свѣжій воздухъ Италіи, онъ бы навѣрное развился такъ же вольно, широко и ярко, какъ растеніе, которое выносятъ, наконецъ, изъ комнаты на чистый воздухъ“. „Римъ, говоритъ онъ въ другой своей повѣсти (въ „Портретѣ“) тотъ чудный Римъ, величавый разсадникъ искусствъ, при имени котораго такъ полно и сильно бьется пламенное сердце художника“.

Работа въ родной странѣ казалась совсѣмъ невысказанною. Тотъ же Гоголь восклицаетъ: „Художникъ петербургскій! художникъ въ землѣ снѣговъ, художникъ въ странѣ Финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, сѣро, туманно! Эти художники не похожи вовсе на художниковъ итальянскихъ—гордыхъ, горячихъ, какъ Италія и ея небо; напротивъ того, это большею частью добрый, кроткій народъ, застѣнчивый, безпечный, любящій тихо свое искусство, пьющій чай съ двумя пріятелями своими въ маленькой комнатѣ, скромно толкующій о любимомъ предметѣ и вовсе не брегущій объ излишнемъ. Они вообще очень робки, звѣзда и толстый эполетъ приводятъ ихъ въ замѣшательство“.

И только побывавъ въ Италіи, художникъ уже становился истиннымъ художникомъ, у котораго соединялось все: „изученіе Рафаэля, отраженное въ высокомъ благородствѣ положеній, изученіе Корреджія, дышавшее въ окончательномъ совершенствѣ кисти, во всемъ постигнуть законъ и внутренняя сила, вездѣ уловлена эта плывучая окружность линій, заключенная въ природѣ, которую видитъ только одинъ глазъ художника-создателя“.

Я не даромъ привелъ здѣсь слова Гоголя. Никто лучше его не зналъ современныхъ ему художниковъ,—онъ провелъ среди нихъ всю жизнь, и въ Петербургѣ и въ Римѣ, и своимъ талантомъ воспроизвелъ ихъ взгляды и сужденія съ полною правдою.

Совершенно подобныя же выраженія мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу и въ запискахъ художниковъ того времени.

Вышею похвалою для русскаго художника было назвать его именемъ какого нибудь великаго маэстро эпохи возрожденія, или современной иностранной знаменитости: на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ „русскихъ Каналетто“, „русскихъ Вернетовъ“, „русскихъ Пуссеновъ“ и т. д. Выше этой похвалы ничего нельзя

А. М. Васнецовъ. Пейзажъ.

было и придумать. Да и дѣйствительно, разъ человѣкъ стремился изучить и подражать произведеніямъ какого либо художника, то чего же ему еще желать, когда онъ достигъ въ этомъ такого совершенства, что почти сравнялся съ нимъ,—сравнился конечно настолько, насколько копія можетъ сравняться съ оригиналомъ.

Я вовсе не намѣренъ порицать такое состояніе умовъ. Я просто хочу только констатировать самый фактъ, указывая даже притомъ на необходимость такого временнаго состоянія искусства.

Но, съ другой стороны, какъ бы ни благоговѣлъ ученикъ передъ учителемъ, какъ бы ни старался онъ усвоить себѣ всѣ

пріемы этого послѣдняго, но разъ въ немъ есть доля таланта, у него всегда проявится все же нѣкоторая доля и самобытности. Такъ было и здѣсь. Каждый изъ болѣе талантливыхъ нашихъ художниковъ, что-нибудь вносилъ своего въ этотъ общій тонъ подражанія.

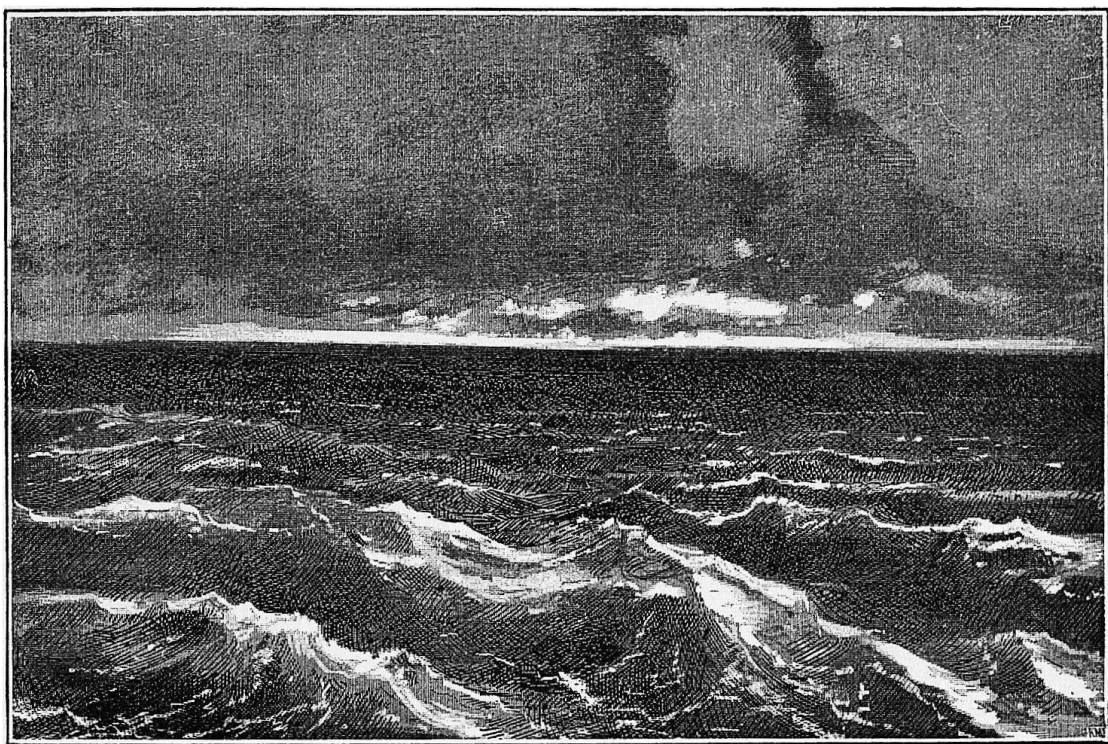
Нѣкоторое стремленіе, хотя очень слабое къ самостоятельности можно замѣтить даже у перваго воспитанника Академіи, у А. П. Лосенко (1737—1773); то же можно сказать и про нѣкоторыя картины В. К. Шебуева. Среди портретистовъ же мы имѣли уже давно очень почтенныхъ художниковъ, подражавшихъ болѣе природѣ, чѣмъ великимъ мастерамъ. Достаточно вспомнить Д. Г. Левицкаго, В. Л. Боровиковскаго, А. Г. Варнека, О. А. Кипренскаго и В. А. Тропинина.

Въ пейзажахъ же даже у С. Ѳ. Щедрина (1791—1830) замѣтно уже довольно глубокое изученіе природы. А. М. Н. Воробьевъ достигъ такой правды въ своихъ произведеніяхъ, что до сихъ поръ картины его не теряютъ своего художественнаго значенія. Особенная же сила его была въ передачѣ воздуха, которому онъ умѣлъ въ совершенствѣ придать мѣстный колоритъ. Его воздухъ надъ Іерусалимомъ, надъ Мертвымъ моремъ и надъ Невою представляетъ столько характерности, что сразу переноситъ зрителя совсѣмъ въ иной край, подъ другое небо. Всѣ его произведенія полны жизни, полны силы и одушевленія; въ нихъ нѣтъ ни заученныхъ условныхъ эффектовъ, ни изысканнаго расположенія линій — это обширныя панорамы, въ которыхъ уловленъ характеръ и колоритъ мѣстности. У него нѣтъ ни рѣзкости контуровъ, ни сухости, ни пестроты тѣней, ни нагроможденности предметовъ: вездѣ у него есть разстояніе, и по мѣрѣ того, какъ всматриваешься въ картину, разстоянія эти растутъ, расширяются, и дальніе планы, отодвигаясь, теряются на горизонтѣ.

Ему обязаны своимъ художественнымъ образованіемъ не мало извѣстныхъ пейзажистовъ, изъ которыхъ достаточно указать на его сына С. М. Воробьева, М. Л. Лебедева, Л. Х. Фрикке, И. А. Айвазовскаго, А. П. Боголюбова, Л. Ф. Лагорио и многихъ другихъ.

Что касается бытовой живописи, то она явилась у насъ очень недавно. Прежде не только никто не думалъ посвятить

ей себя всецѣло, но напротивъ, смотрѣли на нее, какъ на что-то унизительное. Въ одной рукописной энциклопедіи прошлаго вѣка искусство классифицируется такимъ образомъ: „трѣ пре-славнѣйшія хитрости, говорится тамъ, премудрымъ къ познанію и тщливымъ ко упражненію предлагается. Архитектурія цивились, яже есть вѣнецъ всякія строительныя хитрости, учитъ бо, како грады созидати и полаты и вертограды красныя; скульптура, си есть ваяніе всяческаго обличія, по масалеиному (мавзо-

И. А. Айвазовскій. Черное море.

лейному) дѣлу и полать украшенію, и огородовъ преизрядному позорищу и прочимъ пріятствамъ полезна есть. По сихъ же живописство историческо, еже сказаніе отъ древнихъ премудрыхъ философовъ, како предана есть, промежду грекъ и латинъ изначала, по чину ко украшенію храминамъ, царствія и дѣянія воинская, митологіи метаморфозисъ Овидіуша и иная аеинайская платанія, ко услажденію очесъ изобразовати достолично. Упражняются же нецыи, въ предреченіи хитрости не дошедше, живописствомъ всякаго образа и подобія снатурая, но се

околичность, не супротивреченнаго ни единого съ ними сравненія имуща“.

Первый, кто посвятилъ свою дѣятельность этому „живописству всякаго образа и подобія снатурая, еже есть околичность“, былъ А. Г. Венеціановъ (1779—1847), дѣйствительный родоначальникъ русской бытовой живописи. Въ настоящее время онъ почти забытъ и цѣнится чуть ли не исключительно одними только настоящими любителями русской живописи. Его искрен-

ній идеализмъ, исходящій изъ самой глубины души художника, дѣйствительно проникнутый теплою любовью къ людямъ и ко всему окружающему, такъ и свѣтится во всѣхъ его произведеніяхъ. По его собственному выраженію, онъ „какъ видѣлъ, такъ и изображалъ, а не мудрилъ, сидя передъ натурою“.

Первымъ изъ его учениковъ былъ талантливый, но рано погибшій для искусства Л. С. Плаховъ (1811—1881). Его у насъ почти никто не знаетъ, а между тѣмъ онъ служилъ непосредственнымъ звеномъ между Венеціановымъ и Ѳедотовымъ. Желаящимъ ознакомиться хотя съ однимъ

Л. Н. Скадовскій. Безумный.

изъ его произведеній, укажу на одну картину его, находящуюся въ Третьяковской галлерей: „Столярная мастерская“.

П. А. Ѳедотовъ (1815—1852) хорошо извѣстенъ нашей публикѣ. О немъ столько и писалось и говорилось послѣднее время, что наконецъ, какъ всегда это у насъ дѣлается, договорились до того, что забыли все, что было до него, и чуть не провозгласили его какимъ-то гениемъ, сразу перевернувшимъ все русское искусство. Конечно, ничего подобнаго не было.